

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Пономарева А.С. Абсурдизм и его отношение к вере в пьесе Беккета "В ожидании Годо" // Культура и искусство. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.3.39307 EDN: ZZAJTU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39307

Абсурдизм и его отношение к вере в пьесе Беккета "В ожидании Годо"

Пономарева Анастасия Сергеевна

преподаватель, кафедра общеобразовательных и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный промышленно-гуманитарный колледж имени Василия Михайловича Пескова

394063, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, пр. Революции, 20

✉ As-ponomareva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2024.3.39307

EDN:

ZZAJTU

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2022

Дата публикации:

14-03-2024

Аннотация: Целью работы является постановка проблемы отношения абсурдизма к вере, рассмотренное на примере текста литературного произведения С. Беккета "В ожидании Годо". Задачи исследования: дать философский анализ художественных образов, раскрыть специфику отношения к Богу в среде авторов-экзистенциалистов. Объектом исследования выступает текст пьесы "В ожидании Годо", предметом — связь абсурдизма с теологической и провиденциалистской установкой. Философия абсурда рассматривается как доведение экзистенциалистского мышления до своих предельных оснований. Абсурд, как антипод теории провиденциализма, представляет собой полюс в мышлении религиозного человека, отчаявшегося найти причинно-следственные связи в мире. По мнению автора, абсурдизм как философское течение укоренен как раз в религиозном мировоззрении. Автор пытается осуществить ревизию термина «абсурдизм»

и найти ответ на вопрос, какое место в абсурдизме занимают поиски Бога. Исследуя произведение С. Беккета «В ожидании Годо», автор стремится доказать, что одним из источников абсурдизма является осознание покинутости Богом (в вариации «Бог умер» или «Бог отвернулся»), которое необходимым образом связывается с приписыванием Богу функции наделения смыслом вещей, процессов, явлений. Основным вкладом автора в исследование темы является выявление теологической установки в качестве базовой для философских направлений, позиционирующих себя как атеистические.

Ключевые слова:

абсурд, абсурдистская литература, телеология, атеизм, Ницше, теология, Последний Человек, экзистенциализм, В ожидании Годо, экзистенциальный кризис

Общеизвестно деление философского экзистенциализма на два течения: религиозный, представленный Марселем, Ясперсом, Львом Шестовым, а также атеистический, к которому исследователи относят Сартра, Камю, отчасти Хайдеггера. Эта традиция берет исток у Жана-Поля Сартра, который утверждал, что не верит в Бога, и «Экзистенциализм — это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма» [\[1\]](#). Атеистическую позицию принято считать «последовательно атеистической», как предлагается в исследованиях Васёнкина А.В. [\[2\]](#) и Бессмертной С.В., последняя даже видит противоположность атеистических экзистенциалистов к «непоследовательному атеизму», «зависящему от религии по причине своей веры в разумность самого бытия» [\[3, с.72\]](#). И хотя в целом следует согласиться с определением экзистенциализма как широкой онтологии, включающей проблемы существования человека, представляется возможным и актуальным оспаривать взгляд на «последовательно атеистическую» позицию некоторых известных представителей «философии существования», среди которых не только философы, но и писатели, драматурги, художники.

Наиболее остро выражены черты атеистического мировоззрения в абсурдизме, под которым Камю понимал «столкновение между нашими ожиданиями и миром» [\[4, с.38\]](#), а его заокеанские коллеги, например, Нагель, «столкновения внутри нас самих» [\[5, с. 287\]](#).

Исходным пунктом абсурдистского рассуждения является ницшеанская прокламация «смерти Бога». Сам тезис впервые появляется в 1885 году на страницах романа «Так говорил Заратустра». Концепция отмежевания от Бога и обращения в сторону наделения людей истиной помещена в самое начало книги: Ницше решительно даёт понять, что его герою не по пути со славящим Бога отшельником, отвернувшимся от людей из-за их несовершенства. Антихристианская позиция Ницше не терпит никаких «если», он всецело отворачивается от божественных «истин» и обращается к человеку, утверждая, что... «самое ужасное преступление – хулить землю и чтить непостижимое выше смысла земли!» [\[6, с.8\]](#). Исходная точка его философии, таким образом, во многом схожа со сформировавшимся позднее экзистенциальным течением, она начинается с утверждения о том, что «если Бога нет, то всё дозволено».

Но, в отличие от нигилизма, где эта установка получает позитивную рецепцию, обращая мыслителя к проблеме человека как высшей ценности, в абсурдизме эта ситуация воспринимается как травмирующая, нежелательная. Бог, будучи концептом человеческого мышления, закабалит абсурдиста философской установкой на «заброшенность» в мире, неприютность в нём. Тот путь освобождения, который видел

Ницше, в своем знаменитом «Заратустре» отказавшись остаться с отшельником, поклоняющимся Богу, и посвящая свою жизнь не Богу, а людям, у атеистических экзистенциалистов вымощен симптоматикой болезненного расставания. «Отчаяние», «тревога», «одиночество» — экзистенциалы человека в кризисной ситуации, которые приверженцы философии существования пытаются экстраполировать на весь род людской. Исчерпывающе высказался по этому поводу Эвола, отметив, что... «то, что у Ницше было императивом, у экзистенциалистов приобрело характер обязанностей», «по эмоциональной тональности это почти равнозначно ощущению абсолютной свободы скорее как обременяющей тяжести, нежели как завоевания» [7, с.169]. Вот почему все произведения абсурдизма пропитаны настроением тревоги, отражающей неукорененность персонажей в мире.

«В ожидании Годо» хорошо знаком исследователям абсурдизма, он выражает его двояко: как в философском, так и в художественном измерении. Осмысление этого произведения, однако, ограничивается несколькими видами трактовок (фрейдистская, историческая, библейская) и общими утверждениями касательно смысла жизни, который, якобы может состоять лишь в бессмысленном ожидании. Несмотря на то, что Беккет горячо протестовал против толкования отсутствующего персонажа – Годо – в качестве Бога, наиболее плодотворными были исследовательские поиски именно в этом направлении.

Библейские отсылки в пьесе плотно вшиты в канву произведения. Причем арсенал аллюзий на Библию постоянно обновляется, связи между этим текстом и другими произведениями Беккета дают понять о значимости библейского уровня интерпретации. Так, исследовательница творчества Беккета Н.И. Микеладзе отмечает, что «постоянное возвращение Беккета к этим вопросам говорит, скорее, о мучающем его сомнении в случайности Божьей милости, равно как и в августинианской концепции Предопределения» [8]. Несмотря на важность понимания основного смыслового поля пьесы, анализ библейских аллюзий не входит в задачу нашего философского исследования. Более продуктивным представляется сравнение нигилистической установки с абсурдистской и рецепция Беккетом философии Ницше.

На близость беккетовской поэзии с некоторыми тезисами Ницше обращает внимание, например, О.В. Затонская, считая важной связь концепции Сверхчеловека и главного героя беккетовского стихотворения «Стервятник». Падаль для стервятника – аллегория всего сущего, пока сущее отягощает человека, в нем не родится Сверхчеловек. По мнению исследовательницы, в поэтике стихотворения присутствует стремление к трансценденции, которое в виду пассивности героя остается без реализации. «В человеке изначально заложено стремление эволюционировать, развиваться, становиться выше условностей внешнего мира, которые есть отбросы — offal. Но при этом герой стихотворения «Стервятник» присутствует в тексте лишь косвенно. Он не способен к действию, его характер пассивен в силу обреченности на существование в мире, где все является чуждым его природе. От этого появляется потерянности и лишь застывшая в вечности муча, освобождение от которой — смерть» [9, с.298]. Концепт сверхчеловека встречается и в «Ожидании Годо», и здесь он выступает в двух интерпретациях: во-первых, это карикатурное изображение личности, осуществившей свою волю к власти, символом которой хорошо узнаваемый из философии ницшеанства кнут. Во-вторых, это попытка представить антипод пассивным персонажам.

Поццо — герой, не связывающий своё существование со встречей с загадочным Годо, но

это не означает, что он не ищет смысл своего бытия вне себя. Погоняющий своего слугу кнутом Поццо представлен как сатирическое изображение Заратустры, причем ему его раб нужен не менее, чем Лакки необходим его хозяин. При этом у Поццо единственного из четверки есть уникальное видение того, зачем ему нужен другой человек: «Самое ничтожное существо может тебя чем-то обогатить, чему-то научить, дать лучше почувствовать своё счастье» [\[10\]](#). Этот персонаж принципиально отличается от других тем, что не выступает в роли просителя .

Лакки, нагруженный вещами, выступает явственной отсылкой к трем стадиям человеческого духа, а именно верблюду, несущему на себе бремя общественной морали. Притворщик Поццо видится не только карикатурным сверхчеловеком, но и Богом, что позволяет предположить, что Эстрагон так себе Бога и представлял: с кнутом и поводком. Функция Поццо и Лакки в пьесе, кроме прочего, состоит в конкретизации обобщений главных героев насчет Годо. Годо – личность, которую Владимир и Эстрагон вряд ли видели и узнают, но они признаются, что занимались по отношению к ней «вымаливанием» и «выпрашиванием». Их ближайшие планы зависят от того, кто якобы передает им через посыльного наказ ждать, однако их ожидание этой встречи лишь усугубляет их мучения.

Годо – личность, до такой степени позаботившаяся об отсутствии признаков своего существования, что её с равной степенью вероятности вполне может и не обнаружиться за этими громкими заявлениями о ней. В этой связи уместным кажется привести притчу о невидимом садовнике, впервые рассказанную религиозным философом Энтони Флю в 1953 г [\[11\]](#) . Однажды два исследователя вышли на поляну в джунглях. Один из исследователей предположил, что за поляной, должно быть, ухаживает какой-то садовник. Другой возразил: «Здесь нет никакого Садовника». Тогда они поставили палатку и начали наблюдать. В виду отсутствия каких-либо признаков Садовника один из них предположил, что Садовник – это невидимка. И они окружили поляну колючей проволокой, через которую пустили ток. Ни единого вопля, который выдал бы гостя, не раздалось. Движения проводов не выдали ни одной попытки пролезть через них. Всё равно Верующий настаивал на своем: «Здесь есть Садовник, невидимый, бестелесный, не подверженный электрошоку; Садовник без запаха и не издающий звуков; Садовник, секретно ухаживающий за своим любимым садом». И, в конце концов, Скептик задался вопросом, чем отличается Невидимый Садовник от воображаемого садовника, да и вообще от утверждения, что Садовника не существует.

Абсурдный эффект ожидания Годо создаётся невозможностью верификации идеи этого существования. Как признаются персонажи, они едва ли помнят пару Поцци и Лакки, и каждый при желании мог бы исполнить роль Годо. Неслучайно, обыгрывая этот вариант в устах Поцци, автор спрашивает: «Как вы меня находите? Хорошо? Средне? Сносно? Так себе? Откровенно плохо?» . Познать Годо, этого невидимого Садовника, представляется возможным лишь с помощью апофатического подхода. Характеристики, которые придают богу главные герои, делают его трансцендентным: «Принимая во внимание существование личного Бога таким каким оно проистекает из последних социологических работ Пуансона и Ватмана в виде субстанции седобородой вневременной внепространственной кококоторый с высоты своей божественной апатии божественной афазии божественной агнозии влюбит нас всех кроме некоторых...» [\[10\]](#) .

Приведённый отрывок с точки зрения художественного анализа текста представляет собой не что иное, как поток сознания – приём, снискавший себе любовь в среде писателей-модернистов периода после Второй мировой войны. Многократное повторение

одних и тех же слов и символов, очевидная несвязность, отказ от нормальных символов пунктуации помогают имитировать работу мысли, при этом, однако, нарочито подчеркивается художественная условность всего происходящего: «думать» Лакки начинается после приказа ему «думать». Бог персонажей – это все существующие стереотипы о нём, он сочетает в себе черты ветхозаветного Яхве и «равнодушного», не вмешивающегося в земные дела Бога деистов. Неслучайно три «а» в словах афазия, апатия, агнозия указывают нам на отрицательные характеристики Бога, являющегося, конечно, проекцией человеческого существа таким, каким его представляют абсурдисты, на высший, «божественный» уровень. Это не Годо утрачивает способность к узнаванию, участию и связному высказыванию – это герои произведений абсурда приписывают ему свои характеристики сломленного, оставленного в ожидании неясно чего человеческого типа.

Ожидание божественного покровительства не одухотворяет персонажей, а, наоборот, убивает в них всё самое лучшее. Поццо, к примеру, сетует на то, что его раб-партнер выполнял раньше «невероятные прыжки» и танцевал разные танцы. А теперь он танцует единственный – «танец с сетями». И здесь опять напрашивается ассоциация с Ницше, который воспринимал танец и вообще телесные практики как способ познать мир. Абсурдистский герой не может быть танцором, потому что танцор – это ницшеанский символ для души, радующейся самой себе. Герой драмы абсурда, каким он представлен Бэккетом, является слабой марионеткой, притворяющейся господином или рабом, в данном случае это неважно. Они – запутавшиеся в сетях мира странники, подтверждение чему выдаёт сам Лакки, изображая, что запутался в сетях.

Три характеристики абсурда: неспособность к действию, речевые искажения (вплоть до афазии), а также ожидание божьего суда, традиционно побуждают рассматривать «В ожидании Годо» как типичный образец абсурдного произведения. Характерно, что среди всех литературных произведений творение абсурда наиболее художественное, а значит – наиболее выверенное, технически максимально сложно исполненное. Через противоречивые оценки критиков и спорные заявления самого Беккета исследователь приходит, наконец, к одному-единственному вопросу: Если пьеса действительно о человеке и Боге, то зачем покинутому Богом человеку Бог? Разгадка на этот вопрос заключает в себе тайну генезиса абсурда в качестве экзистенциального переживания.

Беккет защищает своего рода антиэпистемологию, критикующую западные эпистемологии, которые доверяют либо чувствам, либо разуму, либо интуиции и откровению и провозглашают возможность богопознания. Индийский исследователь мировоззренческих основ творчества Беккета Dr. Maroof Shah замечает, что Беккет отвергает интеллектуальную интуицию мистика и остается на позициях рационализма, будучи верным его исходным положениям, несмотря на острое осознание его ограниченности.

Персонажи Беккета все без исключения являются бескомпромиссными рационалистами. Однако их разум не может с уверенностью сказать им хоть одну вещь, которую они хотят знать. Владимир и Эстрагон задаются вопросами о собственной и чужой идентичности, сущности Годо, характере пространства и времени. Они не уверены даже, под деревом ли просыпаются каждый день, или, быть может, это куст. Общепринятым в тексте Беккета является толкование дерева в качестве символа Голгофы, но ведь в случае, если это в действительности куст, его можно истолковать как прообраз Неопалимой купины, лежащей в центре мироздания главных персонажей.

Здесь стоит обратить внимание на сам характер вопрошания абсурдистского персонажа.

Такой тип вопрошания выдаёт абсолютное непонимание духовных основ бытийствования, совершенную неукорененность в них.

"Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?" — так вопрошает Последний человек Ницше и моргает. Сам факт того, что он не может объяснить себе эти термины, свидетельствует об их непонимании, чуждости самой природе последнего человека и о глубоком недоверии или (неизвестно, что хуже) глубоком безразличии к ним. Последний человек находится в явственной связи с типажом абсурдного героя, потому что они оба представляют собой модели существования, которому отказано в трансценденции. Предвосхищая сартровскую концепцию человека как проекта самого себя, Ницше пишет о необходимости построить себя прямоугодно в отношении тела и души, и призывает расти не только вширь, но и ввысь [\[6, с. 81\]](#).

Безбожный мир Ницше предполагает наличие позитивного мировоззренческого проекта, широко известны призывы философа «носить хаос внутри себя», «родить звезду», «создать самокатящееся колесо». Все они в конечном счете объединены сознанием высокой духовной миссии. Отсутствие теологической и телеологической установки не препятствует разработке самодостаточной нигилистической концепции, где констатация бессилия разума исчерпывающе объяснить мир и человека в нём не приводит к онтологическому пессимизму.

Иначе дело обстоит с абсурдизмом в текстах представителей «атеистического» русла внутри экзистенциализма.

Индийский исследователь философского измерения наследия Беккета Dr. Maroof Shah сравнивает блуждание персонажей Беккета с пребыванием в круге сансары [\[12, p.88\]](#). Несмотря на заявленную преемственность по отношению к философии жизни, в своих истоках абсурдизм зиждется на телеологии Аристотеля, а значит, предполагает наличие причины причин, хотя бы и облекая её в форму означающего без какого-то реального означаемого. Если вернуться к притче о Невидимом Садовнике, можно представить себе абсурдного героя как оставленного в Саду ребёнка, а Садовника уподобить взрослому, не откликающемуся на его зов. В более экстремальных интерпретациях Сад заменяется на Джунгли, а Садовник – на родительскую фигуру.

Обречённость абсурдизма как самостоятельной философии в этом смысле коренится в его истоках: установке, с одной стороны, на рационализм, и отказ от диалога с другими традициями, с другой стороны, на его фиксации на априорном смысле, даже если его представители и утверждают обратное. Пресловутый «бунт» Камю против абсурда отражает не что иное, как попытку восстановить человека в его правах, являющихся мысленной абстракцией, наладить «диалог» с неразумным молчанием мира, опять-таки мыслимым с позиций логоцентристского спекулирования. В виду того обстоятельства, что поиски божественного существа и фактическое связывание с ним жизненных смыслов занимает одно из ведущих тем в философии абсурдизма, автор полагает возможным пересмотр трактовки понятия «абсурдизм» как концепции, необходимо связанной с атеистическим восприятием мира. Тоска по Мироустроителю выдаёт в представителях философии и литературы абсурда приверженцев рационалистического телеологического подхода, который, будучи снятым в философии Ницше, парадоксальным образом не отбрасывается в творчестве его последователей. Представляя собой рецепцию идей Ницше, текст Беккета, как представляется, иллюстрирует установку на поиски Бога, параллельно изображая карикатуру на некоторые ключевые идеи, изложенные в «Так говорил Заратустра». В то же время трудно предположить, что заочная полемика с

Ницше завершилась победой Беккета. Условие смерти Бога не подтолкнуло абсурдистов к созданию позитивной программы миро- и само-совершенствования, определив существование героев произведений абсурда как самопогружение, отсутствие раскрытости по отношению к мировому существу. Недоступность оригинальных решений, которые могли бы быть выведены из посылки о смерти Бога, так или иначе принудили представителей этого течения сконцентрироваться на природе этого события и снова и снова возвращаться к нему в философских работах, эссе, пьесах, рассказах, повестях и романах.

Логическим выводом из ситуации абсурда, изложенной Беккетом в своей знаменитой пьесе, могло бы стать принятие жизни без Годо. В оригинальном тексте мы наблюдаем, однако, не только смерть Бога, медленно отравляющего своих созданий ложной надеждой, но и смерть человека, опустившегося до вопросов уровня «Последнего человека» немецкого философа Ницше, с которым Беккет так отчаянно спорил.

Библиография

1. Сартр, Жан Поль. Экзистенциализм - это гуманизм / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр. М. Грецкого. - Москва : Изд-во иностранной литературы, 1953. - 42 с.
2. Васёнкин, А.В. Экзистенциализм – это последовательный атеизм / А.В. Васенкин // Культура. Наука. Образование. – Иркутск, 2018. – № 1 (46). – С. 17-26
3. Бессмертнова С. В. – Экзистенциальная философия: к вопросу об иррациональности и отношении к религии и атеизму // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 70–74.
4. Камю А. Бунтующий человек. — М.: Политиздат, 1990. — 414 с.
5. Нагель Т. Абсурд / пер. с англ., примеч. и вступ. ст. Е. В. Косиловой // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 4. — С. 275-294.
6. Ницше, Фридрих . Так говорил Заратустра. Так говорил Заратустра. / Фридрих Ницше. – Москва : Издательство АСТ: 2018 – 416 с.
7. Эвола, Юлиус. Оседлать тигра / Юлиус Эвола; пер. с итал. В. В. Ванюшкиной. - СПб. : Владимир Даль, 2005. - 510 с.
8. Микеладзе Н. Э. Три притчи Царствия Небесного в пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» [Электронный ресурс] / Н. Э. Микеладзе // Медиаскоп. — 2014. — № 2. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/1534>. - (дата обращения: 18.04.2023).
9. Затонская О. В. Философские идеи Ф. Ницше и поэзия С. Беккета // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 296–299.
10. Беккет С. В ожидании Годо.[Электронный ресурс].Режим доступа: <http://opentextnn.ru/man/bekett-sjemjuel-v-ozhidanii-godo/>.- (дата обращения: 18.04.2023).
11. Flew, Antony. Theology and Falsification, University, 1950-51; from Joel Feinberg, ed., Reason and Responsibility: Readings in Some Basic Problems of Philosophy, Belmont, CA: Dickenson Publishing Company, Inc., 1968, pp. 48-49. Режим доступа :https://web.archive.org/web/20160912194021/http://www.stephenjaygould.org/ctrl/flew_w_falsification.html. - (дата обращения: 18.04.2023).
12. Maroof Shah.The Problem of Nihilism and Absurdist Impasse in (Post)Modern Literature: A Metaphysical Appraisal of Samuel Beckett andAlbert Camus, Mawlana Azad National Urdu University, Hyderabad, India, 2014.

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой опыт целостного анализа широко известной пьесы С. Беккета «В ожидании Годо». Автор указывает на то, что это произведение получало различные интерпретации, однако, наиболее естественным оказывается всё же восприятие пьесы в контексте истории религиозного сознания – пусть и с учётом очевидного атеистического звучания, ведь атеизм также представляет собой феномен религиозного сознания. Поиски критиков и исследователей, осуществлявшиеся «в направлении религиозной интерпретации», оказываются, по словам автора статьи, всё же «наиболее плодотворными», даже несмотря на то, что сам Беккет, как известно, не принимал их (первые десятилетия осмысления пьесы приходится как раз на то время в истории французской гуманитаристики, когда под влиянием возрождающегося структурализма в литературоведении «авторская интенция» ограничивалась, если не игнорировалась вовсе). Анализ представленной статьи убеждает в том, что она может быть опубликована в научном журнале, хотя предварительно автору и следовало бы устранить некоторые недостатки. Прежде всего, название нуждается в уточнении, читатель должен знать, какому произведению посвящена статья, это уточнение можно дать через двоеточие или в скобках. Далее, предпочтительно было бы определить в самом начале статьи «абсурдизм», в представленном тексте читатель только по мере продвижения «угадывает», что же конкретно имеет ввиду автор. Правда, автор указывает «три характеристики абсурда: неспособность к действию, речевые искажения (вплоть до афазии), а также ожидание божьего суда», которые и определяют «В ожидании Годо» как «типичный образец абсурдного произведения». Не совсем точно указано отношение «абсурдизма» к экзистенциализму (различение в последнем религиозного и атеистического течений следует снять как общеизвестное): ««В ожидании Годо» хорошо знаком исследователям экзистенциализма и, в частности, его более узкой смысловой разновидности – абсурдизма». Разумеется, «абсурдизм» не соотносится с экзистенциализмом как «вид» и «род», среди экзистенциалистов было немало мыслителей, которых трудно заподозрить в «абсурдизме». Укажем ещё и на то, что «смерть Бога» автор поспешно относит к «компетенции» Ницше (в связи с чем, по-видимому, и высказывает о нём определённые наблюдения), что, впрочем, отнюдь не является редкостью. В действительности, переживание «смерти Бога» представлено в самых разных культурах (как не вспомнить мысль Борхеса о том, что историй всего четыре, и люди издревле снова и снова рассказывают их), в «фаустовской культуре» задолго до Ницше этими словами описывается «трагическая судьба достоверности себя самого», представленная в образе «несчастливого сознания»: Гегель говорит о «скорби, которая выражается в жестоких словах, что Бог умер». Стилистических или синтаксических оплошностей в тексте почти нет, но можно порекомендовать, например, скорректировать неудачную формулу «...схожа с последующим развившимся из нигилизма экзистенциальным течением...» («сформировавшимся позднее?»). Думается, сделанные замечания не препятствуют возможности рекомендовать рецензируемую статью к печати, автор сможет учесть их в рабочем порядке, тем более, что относительно небольшой объём текста (0,4 а.л.) позволяет дать развёрнутые комментарии, а список литературы можно дополнить источниками, которые могли бы компенсировать слишком краткие характеристики используемых в статье понятий. На основании сказанного рекомендую статью к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования автором в явном виде не сформулирован. Исходя из названия статьи, предметом исследования должны быть аллюзии к религиозному сознанию и концепту «Бог» в пьесе «В ожидании Годо» французского писателя Сэмюэля Беккета. Однако текст статьи слабо структурирован и следить за развитием мысли автора сложно, в связи с чем предмет исследования размывается.

Методология исследования не сформулирована. В заглавии статьи упоминается «философский анализ», но в чём суть этого анализа, в том числе применительно к заявленной теме, остаётся не ясным.

Актуальность исследования далеко не очевидна и автором никак не обосновывается. То же самое можно сказать и о научной новизне работы.

Структура статьи, как уже было сказано, недостаточно продумана. Нет никакого введения в проблематику статьи. Статья открывается предложением: «Отвечая на вопрос, с какой целью абсурдист обращается к теме Бога в своем произведении, следует рассмотреть для начала само понятие абсурдизма». Но при этом не ясно, откуда вообще берётся такой вопрос и кому нужен ответ на него. При этом понятие абсурдизм, которое, конечно же, следовало бы рассмотреть, коль скоро оно напрямую фигурирует в статье и отражено в её названии, остаётся не рассмотренным (ибо вряд ли можно назвать рассмотрением незакавыченную цитату из онлайн-энциклопедии, которую приводит автор).

Отсутствует и какая-либо характеристика анализируемого произведения, что выглядит странно.

Библиография содержит 10 пунктов литературы. Список оформлен небрежно. Так, например, в статье приводится цитата из «Современного гуманитарного словаря-справочника» П. С. Гуревича, и в качестве источника указана вся эта книга, хотя корректно было бы указать конкретную статью («Нигилизм»), на которую, собственно, и ссылается автор. Некорректно введено описание работы *The Problem of Nihilism and Absurdist Impasse in (Post)Modern Literature: A Metaphysical Appraisal of Samuel Beckett and Albert Camus*, которая представляет собой диссертацию на соискание учёной степени Doctor of Philosophy In English. Библиографическое описание не даёт понимания того, что это за текст. То же замечание относится и к статье *Absurdism* из *New World Encyclopedia*, базирующейся на материалах «Википедии». К слову, эта словарная статья не выглядит достаточно серьёзным источником. Хотелось бы видеть в статье признаки того, что автор глубоко изучил серьёзную профессиональную литературу по теме исследования, а не ограничился столь краткими выжимками на этот счёт.

Видимо, поверхностное ознакомление с темой привело к тому, что в статье отсутствует апелляция к оппонентам. Соображения автора не имеют чёткого приурочения к научному контексту, читатель не может понять, исследовалась ли подобная тематика ранее, если да, то какие мнения существуют в научной литературе по данному вопросу, если нет, то почему этот вопрос не привлекал внимания учёных прежде и почему он вдруг должен заинтересовать научное сообщество сейчас.

Резюмируя вышеизложенное, остаётся констатировать, что целевая аудитория статьи не ясна. Сложно понять, кому данная статья была бы интересна и полезна, тем более, что никакого явного вывода автор в ней не делает и говорить о приросте научного знания в данном случае не приходится. Строго говоря, текст не является отражением какого-то научного исследования, и больше похож на литературоведческое эссе. Автор показывает, что он хорошо владеет словом, но для научной статьи этого мало.

Стоило бы также ещё подумать над названием, поскольку на заявленный в настоящем заглавии вопрос (Зачем абсурдисту Бог?) если и возможно ответить, то явно не на одном литературном примере, а лишь на основе анализа корпуса текстов. А задавать в названии вопрос, на который автор не в состоянии ответить, вряд ли честно по отношению к читателям.

Для того, чтобы статья была достойна публикации в научном журнале, её требуется глубоко переработать. Для этого автору статьи требуется прежде всего ответить для себя и для читателей на 2 основополагающих вопроса: 1) Что нового, оригинального он хочет сообщить научному сообществу? 2) Почему научное сообщество должно встретить это сообщение с интересом? В статье должна появиться чёткая структура и сквозная логика повествования, а также ссылки на современную и релевантную исследовательским задачам научную литературу.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья посвящена достаточно интересной культурологической теме, связанной с таким направлением в искусстве как абсурдизм. Размышляя над тем, что собой представляет поэтика абсурдизма, мы находим в ней такой тип образности, в котором «не собственно художественные» моменты берут верх над «собственно художественными» (изобразительными и описательными). Речь идёт о рефлексии как средстве презентации субъекта художественного произведения. Такой тип образности, как представляется, свидетельствует о рождении новой эстетики, в которой суггестивные возможности литературы становятся менее актуальными, чем раньше. Реципиент художественного произведения всё менее должен сострадать происходящему на сцене (в художественном мире) и всё более вынужден рефлексировать о происходящем. На этом построен художественный эффект пьес С. Беккета, погружающих читателя (зрителя) в состояние депрессии, в котором он должен пребывать, чтобы почувствовать абсурдность существования. В отношении художественных особенностей творчества драматурга можно говорить о неполноте изображённого и выраженного в тексте (имея в виду и спектакль как текст), восполняемой извне зрителем, о дискретности художественной формы. Автор создаёт специфическую атмосферу, или «среду», в которой люди являются одинокими, похожими на клоунов персонажами, бредущими по жизни потому, что не знают, что еще можно делать. При рецепции пьес представителей театра абсурда продуктивно восприятие происходящего на сцене как «визуальной метафоры» реальности. Возможно говорить даже о новой «абсурдной конвенциональности», которая основана на редукции основных традиционных параметров и одновременно смыслоносителей в драме: «И, наконец, все составляющие пьесы не только конфликтуют друг с другом, но вызывают «несогласие» зрителей, когда слышимое и видимое на сцене не складывается в единый образ или систему образов.

В сюжетном плане абсурдизм может быть охарактеризован как поэтика непроисходящего. Владимир и Эстрагон ждут Годо, который так и не приходит. При этом они то и дело порываются уйти, но остаются на месте, делают попытки расстаться, но каждый раз соединяются вновь, хотят повеситься, но не решаются. В пьесе имеет место цикличность сюжета: второе действие повторяет первое с некоторыми «вариациями»: повторяются избиение Эстрагона, встреча героев, эпизод с ботинками, встреча с Лаки и Поццо, эпизод с деревом (мысль о самоубийстве), эпизод с мальчиком, который сообщает, что Годо сегодня не придёт. При этом характерно, что вторая часть

разворачивается как «второй дубль» первой: Эстрагон не помнит, о чём друзья разговаривали вчера, мальчик говорит, что он впервые видит Владимира, Лаки оказывается немым, хотя в первом акте он разыгрывал монолог и т.д. Пьеса кончается в исходном положении: двое людей стоят на месте в ожидании некоего Годо. Эффект «дежавю», использованный в этой пьесе, служит синтетической метафорой, имеющей философский смысл.

При отсутствии законченной фабульной основы, мы можем рассматривать сюжет пьесы Беккета как совокупность мотивов. Такими мотивами в пьесе являются: мотив ожидания; мотив пустоты; мотив поиска - герои то и дело что-то ищут, то разглядывая ботинок, то заглядывая в шляпу, то вглядываясь вдаль; мотив утраты, лишения, а также мотив греха и понесённого наказания; мотив пути (значение имеет потенциальная возможность уйти, которая так и не реализуется), с которым связан мотив бродяжничества (отсутствие места в жизни), мотив расставания, мотив безысходности. Совокупность этих мотивов в целом определяет смысловой модус пьесы как рассуждения об основных экзистенциальных проблемах человека. Специфическими в абсурдизме являются сами герои пьес. В отношении героев пьес Беккета можно говорить об убогости как смысловой доминанте характера: у них на двоих одна морковка, они не могут сами снять свои ботинки, а главное - они не могут принять никакого решения. Эти герои не могут восприниматься ни как трагические, ни как комические: они слишком «жалкие» для этого.

Говоря об интертекстуальности, следует отметить, что в пьесах Беккета большую роль играют аллюзии и скрытые цитаты. Библия может быть рассмотрена как наиболее явный «подтекст» пьесы «В ожидании Годо», едва ли не каждый фрагмент текста которой отсылает зрителя к библейским сюжетам, начиная с рассуждения о четырёх евангелистах и спасённом разбойнике, и кончая фигурой самого Годо, чьё имя созвучно со словом «Бог». Наконец, принципиален вопрос о месте и роли автора по отношению к содержанию произведения. В абсурдистском произведении автор выступает не столько как творец мира, сколько как выразитель его «абсурдности»: его задача - сделать это наиболее адекватно, продумав каждый жест и ритмически просчитав каждую фразу персонажа. Пьесы Беккета очень богаты ремарками, предписывающими каждый жест и каждую улыбку, создаётся впечатление, что автор расписал «партитуру» для героев-исполнителей (разница между героем и исполнителем, таким образом, нивелируется). Известно, что Беккет сам был и режиссёром постановщиком своих пьес, а постановки других режиссёров оказывались тем более успешными, чем более режиссёр соблюдал предписания, данные автором пьесы. Таким образом реализуется установка на воспроизводимость и повторимость эффекта представления, которое может происходить несколько раз по одним «нотам».

Можно напомнить, что сам С. Беккет, как и другие авторы абсурдистских пьес, решительно отвергал термины «абсурд», «абсурдизм», утверждая, что их произведения не более абсурдны, нежели реальная действительность. Этот факт говорит о том, что пьесы театра абсурда с точки зрения прагматики текста вполне традиционны и «классичны» (в отличие, например, от практики представителей русского авангарда, с творчеством которых их часто сопоставляют), коль скоро они нацелены на адекватное воссоздание реальных социально-нравственных противоречий и недостатков.

Статья написана в хорошей стилистической манере, присутствуют обращения к аргументам и контраргументам оппонентов, базируется на актуальном библиографическом материале и, возможно, будет интересна определенной части аудитории журнала.